

Секция 1
**AD MEMORIAM. НАСЛЕДИЕ Н.Н. СТРАХОВА
И КОНЦЕПТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

УДК 130.2

Заец И.Н.

*Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск, Луганская Народная Республика*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА: СТРАХОВ, СОЛОВЬЕВ

Аннотация. В статье освящена деятельность гениальных литературных критиков, философов России 19 века Н. Н. Страхова и В.С. Соловьева. Их работы уникальные по своему содержанию и силе воздействия на умы общественности и сегодня относятся к числу мощнейшего инструмента воздействия на духовную жизнь общества и его моральные устои.

Ключевые слова: литературная критика, русская литература XIX в., духовная жизнь, Н. Н. Страхов, В.С. Соловьев, реализм, нигилизм.

Zaets I.N.

*Luhansk national agrarian University
Lugansk, LPR*

LITERARY CRITICISM: STRAKHOV, SOLOVYOV

Abstract: the article highlights the activities of the brilliant literary critics, philosophers of Russia of the 19th century N. N. Strakhova and V. S. Solovyov. Their work is unique in its content and strength of impact on the minds of the public and today are among the most powerful tools of influence on the spiritual life of society and its moral foundations.

Key words: literary criticism, Russian literature of XIX century, spiritual life, N. N. Strakhov, V. S. Soloviev, realism, nihilism.

*Пока жива и здорова наша поэзия, до тех пор нет причины сомневаться в глубоком здоровье русского народа.
Н.Н. Страхов*

Понятие «критика» появилось как своеобразная форма литературного искусства еще во времена античности, со временем став настоящим профессиональным занятием, долго носившим «прикладной» характер, направленный на общую оценку произведения, поощряющий или наоборот осуждающий авторское мнение, а также рекомендующий или нет книгу другим читателям.

На территории России рассвет литературной критики приходится на середину 19 века, когда она, став уникальным и ярким явлением в русской литературе, начала играть в общественной жизни того времени огромную

роль. В произведениях выдающихся критиков XIX столетия (В.Г. Белинского, А.А. Григорьева, Н. А Добролюбова, Д. И Писарева, А.В. Дружинина, Н. Н. Страхова, М. А. Антоновича) был заключен не только подробный обзор литературных сочинений других авторов, а и разбор личностей главных персонажей. Активно использовалось обсуждение художественных принципов и идей, виденье и интерпретация всей картины современного мира в целом, его моральных и духовных проблем, путей их решения. Эти статьи уникальные по своему содержанию и силе воздействия на умы общественности и сегодня относятся к числу мощнейшего инструмента воздействия на духовную жизнь общества и его моральные устои.

Русская критика второй половины XIX века развивается весьма драматично. Общественная жизнь страны необычайно усложнилась, возникло множество политических направлений, которые спорили друг с другом. Пестрой и многослойной оказалась и картина литературного процесса. Критическая мысль специализировалась по отдельным направлениям и школам. Литературное развитие в целом и место в нем отдельного произведения раскрывалось теперь всей совокупностью критических направлений и школ.

Разнообразие литературно-критических оценок во второй половине XIX века было связано с нарастающей общественной борьбой. С 1855 года в общественной жизни выявляются, а к 1859 году вступают в бескомпромиссную борьбу две исторические силы – революционная демократия и либерализм. Голос «мужицких демократов», обретающий силу на страницах некрасовского журнала «Современник», начинает определять общественное мнение в стране.

В европеизации России славянофилы видели угрозу самой сущности русского национального бытия. Поэтому они отрицательно относились к преобразованиям и правительственной бюрократии, были активными противниками крепостного права. Бесспорным достоинством либерально-западнической критики было пристальное внимание к специфике литературы, к отличию ее художественного языка от языка науки, публицистики, критики. Характерна также была заинтересованность к «непреходящему и вечному» в произведениях классической русской литературы к тому, что определяет их неувядающую жизнь во времени. Но вместе с тем попытки отвлечь писателя от «житейских волнений» современности, приглушить авторскую субъективность, недоверие к произведениям с ярко выраженной общественной направленностью свидетельствовали о либеральной умеренности и ограниченности общественных взглядов этих критиков.

Другим общественно-литературным течением середины 60-х годов, снимавшим крайности западников и славянофилов, было так называемое «почвенничество». Духовным его вождем был Ф. М. Достоевский, издававший в эти годы два журнала – «Время» (1861-1863) и «Эпоха» (1864-1865). Сподвижниками Достоевского в этих журналах являлись литературные критики Аполлон Александрович Григорьев и Николай Николаевич Страхов.

Почвенники в какой-то мере унаследовали взгляд на русский национальный характер, высказанный Белинским в 1846 году. Белинский писал: «Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала цвет и плод... Известно, что французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца».

Основные идеи "почвеннической" критики оказался роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н.Н. Страхова. Подобно славянофилам почвенники считали, что «русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент».

Н.Н. Страхов (псевдоним – Косица) явился единственным в истории русской критики второй половины XIX века глубоким истолкователем «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Свою работу он не случайно назвал «критической поэмой в четырех песнях». Сам Лев Толстой, считавший Страхова своим другом, сказал: «Одно из счастья, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Н. Н. Страхов».

Активный сотрудник неославянофильских журналов «Время», «Эпоха», «Заря», в которых он отстаивал идею «русской самобытности» и монархии и подвергал критике либеральные и нигилистические воззрения, бывшие тогда весьма популярными, открыто выкладывал своё враждебное отношение к западу. В то же время, Страхов был видным философом-идеалистом, стремившимся истолковать науку в пантеистическом духе и построить систему «рационального естествознания», основанную на религии, опираясь на эстетику И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф.Ницше, Н.Гартмана, на труды А. Потебни.

Страхов был – мостом от «почвенников» к символистам. Уже Страхов выделял наиболее импонирующих ему поэтов, жрецов чистой формы, ритма, полутонов – А. Майкова, Я. Полонского, А. Фета, Ф. Тютчева, А. Толстого, которых поднимут на щит позднее В. Соловьев и символисты. Страхов считал их особой «школой» талантов, как бы помня завет А.С. Хомякова – собрать воедино «русскую школу» в искусстве.

Излюбленными темами Страхова были следующие: борьба с западными влияниями в русской литературе (на эту тему у него есть специальный сборник статей); история русского «нигилизма» и борьбы с ним (сборник статей); творчество Пушкина, которое Страхов противопоставлял как недостижимый идеал всем современным русским и мировым писателям; творчество И. Тургенева и Л. Толстого, которых он расценивал с точки зрения борьбы в русской литературе «нигилистических» и «почвеннических» начал.

Под широко понимаемым «нигилизмом» Страхов подразумевал отрицание сложившихся форм жизни, явление, навеянное Западом, но по своей стихийно-дилетантской сути оказавшееся русским. Образцовое обличение «нравственного хаоса нигилизма», поднявшегося до отцеубийства, он увидел в «Братьях Карамазовых», а самую фамилию

Карамазов считал фатально напоминающей фамилию Каракозов. Нигилизм превращался в кличку, под него старательно подводились все литераторы враждебного лагеря. Наиболее неуютными для «почвенников» были, конечно, демократы и революционеры. «Освобождение крестьян, – жаловался Страхов, – как будто подало лозунг ко всяческому освобождению умов». Но Страхов старался возвысить «почвенничество» над обеими крайностями – над «славянофильством» и над «западничеством», хотя, по существу, склонялся к первому и только хотел его несколько приспособить к новым условиям. В критических очерках сборника «Бедность нашей литературы» Н.Н. Страхов обвинял славянофилов в том, что они слишком убаюкивали себя иллюзиями, будто после Петра I остались еще живы на Руси какие-то старые коренные начала, а «западников» он критиковал за то, что они породили нигилизм, т. е. полное отрицание «почвы». «Бедна наша литература, – восклицал Страхов, – но у нас есть Пушкин». Пушкин и должен был всех примирить, он – твердая почва. Страхов оказался единственным критиком, или одним из малого их числа (включая сюда и П.В. Анненкова), который высоко оценил роман «Война и мир», принятый, как известно, в критике осудительно, со всех сторон.

Николай Страхов указывал на новые, еще не замеченные черты психологизма писателя. Все действующие лица у Льва Толстого не только имеют ярко выраженную физиономию, а «растут» на протяжении романа; Толстой умеет раскрывать «родственное сходство тех душ, которые связаны родством по крови». Таковы все Ростовы, Болконские, Курагины. Мы чувствуем, что Соня, живущая в доме Ростовых, – существо совсем «другого корня»; каждое чувство раскрывается Толстым не только само по себе, но еще и усложняется всеми порождаемыми им «отзывами». Толстой – мастер совмещения различных планов в одном психологическом эпизоде.

Но все эти особенности поэтики Толстого-психолога Страхов сводил к следующей внесоциологической схеме: Толстой – певец народной, «органически сложившейся жизни» (Мережковский потом назовет Толстого «ясновидцем плоти»), обличитель, но не социальных зол, а всего искусственного, наносного, напускного, нерусского. Патриотизм и народность «Войны и мира» сильно извращались Страховым. А в «Анне Карениной» он увидел отражение лишь «вечных вопросов жизни», страстей души. Так отрицалось всякое социальное значение романа. Страхов считал, что «Анна Каренина» подводит к мысли о религии как к выходу из хаоса и отчаяния («Взгляд на текущую литературу», 1883).

Гоголь и ранний Достоевский, по мнению критика, не созрели для изображения праведников. Лишь Толстому удалось раскрыть внутреннюю красоту человека, ибо он ищет в каждом «искры Божией», «старается найти и определить со всею точностью, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительной жизни». В результате «пустотой и мертвенностью души» Иртеньевым, Лениным и Нехлюдовым открывается духовная красота, проблески «истинной жизни». Однако в чем собственно состоит эта красота, в чем суть истинной духовной жизни Страхов не уточняет.

Все эти оттенки понимания специфики искусства ценны. Накопления такого рода наблюдений никогда не пропадали даром в истории критики, рано или поздно они кем-то подхватывались, очищались от формализма и возводились в целую систему научных представлений с более правильным общим их философским и историческим объяснением.

Владимир Сергеевич Соловьёв известен, прежде всего, как русский философ-идеалист, однако его творческое наследие представлено также публицистикой, литературной критикой и поэзией. На мировоззренческое становление критика большое влияние оказал профессор П. Юркевич.

Основные критические труды писателя публиковало издание «Вестник Европы», расцениваемое современниками как журнал либерально-профессорского толка. С ним автор сотрудничал с 1880-х и до конца жизни. В своей критике Соловьёв примерял роль проницательного «судьи», обращающего внимание на личный пафос художника и на его место в мире идеального. Основным предметом критических изысканий писателя была поэзия мировоззренческих близких ему авторов.

Критическое наследие автора принималось далеко не всеми, в том числе и теми, кто признавал талантливость его философских и поэтических произведений. Своеобразным введением к философско-критическим трудам Соловьёва стали созданные в 1889–1890 годах в области эстетики работы «Красота в природе» и «Общий смысл искусства». В первой работе красота виделась автору «преобразованием материи» под воздействием воплощённого в ней сверхматериального начала и рассматривалась в качестве формы выражения идеи. Во второй работе критик говорил о целях и задачах искусства, а художественному произведению давал определение «ощутительного» изображения предмета и явления в его конечном состоянии или же в свете будущего.

Художнику-философу отводили роль пророка, а восприятие красоты – роль категории, в которой должны воплощаться добро и истина. Критик называл красоту силой, укрощающей «недобрую тьму» и отсекающей от неё свет.

Эстетика и критика В.С. Соловьёва отображалась как идейный источник теории младосимволизма. Истоки литературной критики Владимира Соловьёва раскрываются в его философии всеединства – это своеобразный синтез материализма с идеализмом. Где сущность мира и цель мирового процесса открылась философу в мистических видениях, в образе Софии как Вечной Женственности и предполагает «полное взаимное проникновение и свободную солидарность духовных и материальных, идеальных и реальных, субъективных и объективных факторов и элементов вселенной».

Принцип всеединства лежит и в основе эстетики Соловьёва. Главная эстетическая категория – красота – для Соловьёва есть «ощутительная форма» добра и истины. «Для того, чтобы мы могли ощущать идею, нужно, чтобы она была воплощена в материальной действительности» [1]. Поэтому именно красота становится главной силой преобразования мира, звеном, связующим две основные стихии бытия – вещество и дух. «Красота нужна

для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира» [3].

Красота определяется Соловьевым как «преображение материи чрез воплощение в ней другого, сверхматериального начала», далее уточняется, что «она есть воплощение идеи» [1]. У Соловьева понимание идеи, по сути, основано на нравственном критерии. Идеей Соловьев называет «то, что само по себе достойно быть», критерий же эстетического достоинства предмета – «наиболее законченное и многостороннее воплощение этого идеального момента в данном материале» [2].

Красота в природе уже есть объективная действительность. Однако в человеческом мире она еще не обрела полного воплощения. Поэтому задачу искусства критик видит «не в повторении, а в продолжении того художественного дела, которое начато природой ...» [4]. Слова Ф.М. Достоевского «красота спасает мир», вложенные им в уста князя Мышкина, становятся лейтмотивом статей Соловьева по эстетике.

Соловьев возносит творчество выше других сфер жизни – сферы знания (теософии) и сферы практической жизни (теократии), потому что оно единственное осуществляет связь с Абсолютом. В семидесятые годы искусство представляется ему «теургией», жизнетворчеством, что означает возможность преобразования бытия через эстетическую сферу. Таким образом, искусство, по Соловьеву, оказывается, с одной стороны – пророчеством о будущем всеединстве, а с другой – ориентиром, путеводной звездой для человечества. В работе «Теория лирики Владимира Соловьева и основные критерии оценки лирического произведения» – рассматриваются теоретико-литературные взгляды критика, определившие его принципы оценки лирической поэзии.

Чистая лирика больше всех других форм литературы отвечала требованиям Соловьева к искусству, как пророчеству. Вопрос о природе поэзии в том или ином аспекте затрагивается критиком почти во всех статьях, посвященных поэтам. Первое требование критика к поэту – вера в объективность красоты в мире и умение видеть эту красоту.

Владимир Соловьев впервые определяет лирику, как объективный род литературы и возражает с гегелевским определением лирики как «поэзии субъективности». Философ допускает некоторое упрощение концепции Гегеля: как отмечает С.Н. Бройтман, «Несмотря на критику Гегеля, философ здесь лишь доводит до предела наличную и у него тенденцию «оправдания» субъективности лирики указанием на «объективный» характер ее содержания».

Критическое отношение к субъективности лирики у Соловьева, очевидно, обуславливается неприятием той стороны романтического комплекса, который связан с индивидуализмом. Соловьев не отрицает субъективности лирики совсем, а возражает против представления ее как родовой сущности лирической поэзии: такое определение характеризует лирику только со стороны формальной, с точки зрения субъектно-объектных отношений. Для Соловьева более важен аксиологический поход, он пытается определить лирику по ценности внутреннего содержания.

К концу своей жизни, в последних критических статьях, у философа наблюдается явный уклон в сторону этического: добро и красота, неразделимость которых он проповедовал, в современной ему декадентской литературе оказываются разделимыми; он начинает признавать существование «красивого зла», «изящной лжи», «эстетического ужаса». Рассматривая в этом огромную опасность для современного искусства, он активно борется с такими «подделками» и «фальсификациями красоты» [5].

Отталкиваясь от имеющихся направлений развития литературной критики, Соловьев формулировал принципы своего критического метода, задачей которого он видел «в оценке данной поэтической деятельности по существу, т.е. как прекрасного предмета, представляющего в тех или других формах правду жизни или смысл мира». Указанная критика, стало быть, отделила формы объективного мышления только от вещи, но оставила их в субъекте в том виде, в каком она их нашла.

Список литературы

1. Касаткина, В.Н. Тютчев и русские символисты / В.Н. Касаткина // Вопросы поэзии и драматургии : сб. ст. / Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева ; ред. В.А. Бочкарев. – Куйбышев, 1977. – Вып. 2. – С. 69-87. – (Научные труды ; т. 187).
2. Колкер, Ю. Ручается разум и свидетельствует совесть. Владимир Соловьев как литературный критик / Ю. Колкер // Русская мысль. – Париж, 2000. – 3 авг. (№ 4329).
3. Мозговая, Э.Я. Философско-эстетические взгляды Владимира Соловьева и русский символизм / Э.Я. Мозговая // Владимир Соловьев: взгляд сквозь столетие : материалы филос. чтений / ред.-сост. С.Б. Рощинский. – Москва, 2002. – С. 161-173.
4. Николаев, П.А. Философско-эстетический идеализм и литературная мысль в России на рубеже XIX и XX вв. / П.А. Николаев // Классическое наследие и современность : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; отв. ред. Д.С. Лихачев. – Ленинград, 1981. – С. 59-68.
5. Соловьев, С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева / С.М. Соловьев. – Брюссель : [б. и.], 1977. – XIV, 434 с.

References

1. Kasatkina, V.N. Tyutchev i russkie simvolisty / V.N. Kasatkina // Voprosy poezii i dramaturgii : sb. st. / Kujbyshev. gos. ped. in-t im. V.V. Kujbysheva ; red. V.A. Bochkarev. – Kujbyshev, 1977. – Vyp. 2. – S. 69-87. – (Nauchnye trudy ; t. 187).
2. Kolker, YU. Ruchaetsya razum i svidetel'stvuet sovest'. Vladimir Solov'ev kak literaturnyj kritik / YU. Kolker // Russkaya mysl'. – Parizh, 2000. – 3 avg. (№ 4329).
3. Mozgovaya, E.YA. Filosofsko-ehsteticheskie vzglyady Vladimira Solov'eva i russkij simvolizm / E.YA. Mozgovaya // Vladimir Solov'ev: vzglyad skvoz' stoletie : materialy filos. chtenij / red.-sost. S.B. Rocinskij. – Moskva, 2002. – S. 161-173.
4. Nikolaev, P.A. Filosofsko-ehsteticheskij idealizm i literaturnaya mysl' v Rossii na rubezhe XIX i XX vv. / P.A. Nikolaev // Klassicheskoe nasledie i sovremennost' : sb. st. / AN SSSR, In-t rus. lit. (Pushkin. dom) ; otv. red. D.S. Lihachev. – Leningrad, 1981. – S. 59-68.
5. Solov'ev, S.M. Zhizn' i tvorcheskaya ehvolyuciya Vladimira Solov'eva / S.M. Solov'ev. – Bryussel' : [b. i.], 1977. – XIV, 434 s.